

Д. В. Бедник

«АЛАНДСКАЯ ВОЙНА» И КУЛЬТУРА ПАМЯТИ

Und wenn du lange in einen Abgrund blickst,
blickt der Abgrund auch in dich hinein.

F. Nietzsche

В немецкой методологии, которая после Второй мировой войны больше других сделала для развития инструментария историка, в 1990-е годы появилось такое понятие, как «культура памяти». Культура памяти отличается от исторической культуры тем, что включает уровень стереотипов, идентичностей и прочих базовых элементов повседневного восприятия истории. То есть культура памяти — это не то, как видят историю историки. Корпус работы историков называется исторической культурой. Культура памяти — это результат производства истории СМИ, пропагандой, массовым сознанием. В известном смысле культура памяти заняла в производстве прошлого то же самое место, которое в традиционном обществе занимал эпос. От более раннего понятия «ментальностей» культуру памяти отличает более конкретная адресация именно к производству истории. От традиционной народной эпической культуры культуру памяти отличает причастность к ее производству средств массового воздействия на коллективную память — от печатной продукции времени становления национальных мифологий раннего индустриального века до современных СМИ. Культура памяти, несомненно, влияет на историческую культуру, ведь именно она формирует те вызовы, на которые рано или поздно историку придется отвечать. В то же время в культуре памяти растворены конструкции, которые продвигались элитами в общества в относительно недавнее время. В ней они проходят определенный отбор, вступают в реакцию, раз-

виваясь уже независимо от тех целей, которые вкладывались в образы пропаганды на момент их непосредственного создания

Исследованиями такого раздела культуры памяти, как национальные идентичности, в последние три десятилетия занимались такие ученые, как Бенедикт Андерсон, Дэвид Энтони Смит, Эрик Хобсбаум. Их исследования дают представления о сходных процессах формирования национальных мифов Нового времени в разных странах. Основной генератор этих мифологий — национальные интеллигенции, которые в период (с поправкой на страну) конца XVIII — первой половины XX века боролись за право представлять собственное политическое творение — нации. В свете исследований вышеназванных ученых нация в современном понимании есть продукт, искусственно созданный таким новым типом элиты, как интеллигенция, которая заняла в сформированном ею же новом порядке ведущую позицию национальных и националистических бюрократий. Здесь важно подчеркнуть, что при этом менялись типы суверена и лояльности. На место лояльности государю в качестве нового суверена приходила нация. И первый политический акт такого рода в Европе есть объявление войны императору Австрии от имени нации Франции 20 апреля 1792 года. Растущий национализм новых элит породил новый тип национальных войн, которые пришли на место войнам государей и которые были характерны для большей части Европы вплоть до 1945 года.

В культуре формирования национальных мифов наблюдается общая модель. Позиционируется миф о славном, как правило очень древнем, прошлом. Далее переживается коллизия падения с вершины славы предков, которое должно искупить наступающее национальное возрождение. При этом создатели мифов перешагивали через исторический контекст, который на самом деле был открыт в исторической культуре еще в начале XVII века. Для мифологов национализма Нового времени было важно установить непрерывность между древними германцами и немцами, древними гелльветами и швейцарцами, средневековыми русичами и русскими, викингами и шведами, «древними финнами» и финнами. И они конструировали нацию как совершенно новый субъект лояльности, поэтому им было важно представить нацию абсолютной. Для того чтобы опрокинуть традиционно-персональный тип верности, который существовал еще в XIX веке в форме личной верности монархии, творцы наций разрушали естественные различия между эпохами, редактируя, а подчас и заново выдумывая необходимое им для национального вдохновения прошлое. При этом «древность» постулируется как некое абсолютное

время, причем оно «возвращается», цитирует «прошлое» в настоящем, что собственно типично для мифа.

Активное продвижение национальной мифологии началось в финской культуре памяти во второй половине XIX века. В этом плане интересны события, оказавшиеся на стыке сменивших друг друга двух типов лояльности: подданства, характерного для исторического контекста предшествующей эпохи, и гражданства, то есть лояльности нации, выдвинутой последующими поколениями государственного строительства в Европе. В этом же ключе преломляются названия и понятия. В финском случае борьба за национальную культуру памяти усугубляется борьбой за становление финской нации вопреки требованиям лояльности со стороны культур Швеции и России.

Для современного финского военного историка Перрти Лунтинена важно подчеркнуть, что историки-британцы называют войну на Балтике в ходе Крымской войны 1853–1855 годов «забытой». Шведы в прошлом могли называть Крымскую войну Восточной войной (*Orientaliska kriget*). Хотя современные финские историки остановились на названии Крымская война, но в прошлом в финской культуре памяти использовалось название Аландская война (*Oolannin sota, Det Åländska kriget*) как синоним Крымской войны. Примечательно, что Крымская война на Балтике велась не только за контроль над стратегически важными Аландскими островами. После капитуляции русской крепости Бомарсунд на Аландских островах 16 августа 1854 года война развивалась на восток в ходе атак союзного флота по побережью Ботнического и Финского заливов, в отражении которых сами финны принимали деятельное участие. «Аландская война» — это и название военно-патриотической песни, сочинение которой приписывается финским участникам обороны Бомарсунда. Согласно распространенной версии они сочинили ее в плену. Однако действительно популярной песня стала не раньше 1910-х годов. Исследователь истории песни Йеркер Орьянс (*Jerker Örgjans*) датирует самый ранний вариант песни в ее нынешнем виде 1911 годом.

В песне подчеркнуто, что она о финских парнях, о том, как финны, претерпевая лишения, выполнили свой долг. Но связь между финской патриотической песней-маршем времен становления финского национализма накануне образования Первой Республики и легендой о том, что именно эту песню сочинили финские пленные «Аландской войны», держится только на патриотизме. Между тем долгая череда коллизий со статусом Аландских островов (1856–1922) завершилась тем, что острова отошли к Финляндии,

хотя населены они не финнами. Население Аландских островов до сих пор говорит на местном диалекте шведского языка, так что претензия, выраженная в песне, относится к спору не только между финнами и русскими, но и между финнами и шведами, который более всего проявился в финско-шведских противоречиях после завершения Первой мировой войны. В процессе перехода Аландских островов к Финляндии ключевую роль сыграли немцы, но к этому мы вернемся в конце статьи.

Роль Швеции в Крымской войне на Балтике оказалась очень осторожной, главным образом благодаря личной позиции шведско-норвежского короля Оскара I. Союзники по Крымской войне, УК и Франция, предлагали Швеции присоединиться к военным действиям против России. Однако король начал выдвигать в качестве условия вступление в войну Австрии и по возможности Пруссии. Позиция последней, где среди прочего еще оставались сильны симпатии к России, была особенно проблематична для такого варианта, поэтому Швеция ограничилась предоставлением союзникам своих вод и портов. В то же время в Швеции либеральная националистическая пресса распространила слух о том, что теперь Финляндия с радостью готова пойти под скипетр шведско-норвежского короля. Это не соответствовало действительности.

В самом Великом княжестве Финляндском идея Николая I о борьбе за православную веру не могла встретить большого понимания, однако архиепископ Турку (Або) Эдвард Бергенхейм сумел в своей проповеди переплавить этот лозунг в борьбу против врагов христианства, каковыми представляли османы. В результате народ в основном поддержал войну российского императора на юге Европы. Любопытно, что вскоре после своего поставления в сан архиепископа Эдвард Бергенхейм в 1851 году включил Аландские острова в свои визитации. Реакция финских интеллектуалов на соглашательскую пропаганду Бергенхейма была довольно резкой, однако это была только часть тогдашней финской либеральной элиты. Финские историки в зависимости от своего настроения либо подчеркивают, либо вообще обходят стороной эту реакцию, но они сходятся на том, что основная масса населения с энтузиазмом поддержала войну. Кроме того, далеко не все интеллектуалы были настроены негативно по отношению к войне. Финский историк, поэт и журналист Сакариас Топелиус не принял переход прогрессивных держав на сторону османов, а на первый бой Таммисаари отреагировал призывом к совместной борьбе в поэме «Первая кровь» (“Den första blodsdroppen”).

С приближением союзной эскадры к берегам Финляндии на территорию Великого княжества были введены четыре русских гвардейских полка.

Август Шауман рассказывает, что население за свой счет угощало русских солдат табаком и водкой, а к обязанностям по содержанию войск относилось с солидарностью, воспринимая русских как солдат своего государя, явившихся защищать их от врагов. Было выставлено ленное ополчение Indelta, кроме того, в обороне берегов Финляндии от британских десантов приняли участие простые обыватели, среди которых были опытные охотники на морского зверя. Городские рестораны переживали свои золотые дни притока столичного офицерства под стук сабель и шпор, хлопанье пробок от шампанского и звон серебряных рублей.

Солидаризации финнов с русскими немало способствовала каперская тактика британцев, в результате которой финский торговый флот потерял в ходе войны треть своего тоннажа. Современные финские историки акцентируют свое внимание на том, что британцы видели в финнах только лишь русских подданных, что и сегодня можно прочесть в реляциях о прибрежных боях, выложенных сейчас на британских военных сайтах, где без различия говорится только о «русских», без упоминания о том, подданные они или не подданные.

В британской военной истории битва за Бомарсунд, твердыню Аландских островов, примечательна тем, что здесь был заработан первый Крест Виктории, выданный лейтенанту Чарльзу Дэвиду Лукасу, который поднял с палубы дымящийся русский артиллерийский снаряд и выбросил его за борт. Шедевром морского искусства является проход трех британских паровых фрегатов через пролив, расположенный прямо под стенами Бомарсунда. Пролив такой узкий, что сейчас его перекрывает небольшой автомобильный мост. Наземная осада Бомарсунда длилась недолго, с 13 по 16 августа. Она является заслугой французов, которые поставили на берегу батареи и нанесли недостроенным укреплениям непоправимый ущерб. Французы же понесли наибольшие потери из всех сторон, участвовавших в этих боях. Причем потери им нанесли финские снайперы-штуцерники, которые забрались на крышу башенных укреплений и открыли по французам прицельный огонь. В обороне Бомарсунда участвовали две гренадерские роты финнов. Остальной гарнизон состоял из солдат, прибывших из Новгородской и Тверской губерний. При численности гарнизона в 42 офицера и 1942 человека нижних чинов Бомарсунд сдался, потеряв 53 человека убитыми и 36 ранеными. Комендант Яков Бодиско избежал наказания за быструю сдачу крепости противнику, поскольку Николай I учел, что крепость считалась незаконченной и неготовой к обороне. Последнее существенно разнится с тем, что англоязычная пресса, которую мы можем про-

читать, поскольку среди прочих авторов ее тогда олицетворял молодой Карл Маркс, изображала Бомарсунд страшным и неприступным монстром призрачной тирании.

Сдавшиеся в плен в Бомарсунде финны были направлены в Англию и содержались в городе Льюис в Южном Эссексе. Британцы упорно продолжали не отличать их от русских. Так, игрушки, производством которых пленные зарабатывали себе на пропитание, получили название “Russian Toys”. Место, где были похоронены умершие во время плена финны, получило название “Russian memorial”.

И даже газета «Таймс» в припадке гнева продолжила в том же духе. «В то время как русские мясники убивают и калечат наших солдат на войне, мы позволяем их солдатам жить в роскоши и даже выписывать к себе из дома своих жен».

Впрочем, название “Russian memorial” появилось в 1877 году, когда на месте захоронения 28 финнов по приказу Александра II был воздвигнут памятный обелиск. Памятник восстанавливался в 1957 году за счет советского посольства. Оба эти события указаны на памятной плите на кладбище. В 2007 году британский композитор Орландо Гаф (Orlando Gough) восстановил историческую справедливость постановкой оперы «Финский пленник» (“The Finnish Prisoner”), для участия в которой были приглашены финские оперные певцы. Таким образом, финская идентичность узников тюрьмы Льюиса наконец-то обрела признание в современной культуре. Впрочем, в наше время борьба за идентичность находит себя не в самовыражении и признании, а в устойчивости национальных брендов, с чем у нынешних финнов нет проблем.

Следует все же вернуться в те времена, когда проблема идентичности решалась с точностью до наоборот, то есть требовала постановочной мегаломании самоутверждения национального духа, когда настойчивый театральный позыв вел людей на сцену, и часто этот путь заканчивался большой кровью. Эту сцену они представляли себе сценой истории, но декорации были вызывающе абсурдны, и сейчас кажутся уморительными, если бы они не были тогда так серьезны.

Речь идет о националистическом движении ряженных, которое достигло апогея в начале XX века и было вызвано к жизни попытками воссоздать фантастический идеал «древнего финна». Как выглядели эти «древние финны», никто точно не знал. Поэтому постановочная униформа «древнего финна» был доработана к использованию с оглядкой на сценические образы древних германцев, полярные в эту эпоху благодаря успеху Вагнера.

Фотографии того времени запечатлели людей, которые носили этот вымышленный наряд с абсолютно серьезными лицами.

На другой фотографии «древние финны» чинят велосипеды, сломавшиеся по пути на русский фестиваль 1912 года в Карелии.

«Древний финн» лупит дубиной русских.

«Древний финн» заносит свою дубину над зазевавшимся викингом.

Arffienden.

Nationalistiskt rötvardrama i 2 akter.

«Древний финн» сражается со шведским газетным драконом.

Kusti Puhā Irjänä
taistelussa viikinkikäistä sanomalehti-hirviötä vastaan.

Этот дракон зол и ироничен. На странице журнала “Fyren” он изображает финский национализм в виде огромной обезьяны, которая питается «древними финнами».

och »Suomen kansa».

Пас пересмешника пойман. И вот уже на финской карикатуре русский казак неряшливо поедает ногу «древнего финна».

„De första munsbitarna.“

— I hundra år, säger Novoje Vremja, har den här gynnaren gödt sig på Matuschkas bekostnad, och ändå vill jag inte lå ned de första munsbitarna, fast jag har en så fet och god sås som Europas krokodiltårar . . .

Как фарс эта кампания с «древними финнами» местами один в один воспроизводит запоздалые попытки насаждать национализм ряженных на сегодняшнем постсоветском пространстве. Например, совпадает со шведской карикатурой на финский национализм образ обезьяны в насмешках российской блогосферы над «древними украми». Но у финнов со шведами подобное форсирование абсурда было сто лет назад и в финском исполнении в итоге оказалось не шуткой. Ведь интенсивность насильственных смертей в ходе короткой, но беспрецедентно жестокой в рамках Европы финской гражданской войны (было уничтожено 1,2 % населения за три с половиной месяца) в 4 раза превосходит в пропорции времени/населения интенсивность Гражданской войны в России и в 7–8 раз — интенсивность гражданской войны в Испании.

Завершить этот небольшой рассказ о взаимоотношениях истории и культуры памяти на финском примере хотелось бы развязкой драмы статуса Аландских островов, с упоминанием малоизвестной детали немецкого

вмешательства в этот «треугольник», образованный финской мечтой и двумя ее соседями.

Завоевав Аландские острова, союзники по Крымской войне на Балтийском море предложили их Швеции. Но Швеция, сохраняя прежнюю осторожную позицию, отказалась, не желая становиться заложником отношений с Россией. Острова были возвращены России, но со статусом первой в Европе демилитаризованной зоны — на островах не должно было быть военных объектов. Статус демилитаризованной зоны на Аландских островах соблюдался Российской империей с 1856 года вплоть до Первой мировой войны. В ходе последней на островах были сооружены новые укрепления и размещен военный гарнизон. Выигрывая войну на Восточном фронте, германское командование еще осенью 1917-го начало готовиться к десантной операции в Финляндию. Там же начиная с 1890-х годов на волне финского национализма отношения между финнами и русскими резко ухудшились: финны видели в немцах своих освободителей. 27 января 1918 года разразилась финская гражданская война, и финны высадились на Аландских островах, чтобы прогнать русский гарнизон, который был революционным и управлялся местными советами. У русских была сильная позиция, они контролировали батареи Солис (Sålis batteri). Сражение при Годбю закончилось ничем 19 февраля 1918 года. Швеция, обеспокоенная опасностью Аландских островов для шведского населения, еще 15 февраля начала высадку собственных войск на острове.

К 21 февраля шведам удастся уговорить местный ревком подписать в Мариехамне договор о прекращении огня и эвакуации русских частей. Те же требования были предъявлены шведами к финнам. Финны сложили оружие и покинули Аландские острова 24 февраля 1918 года. Но недисциплинированные, охваченные революцией войска бывшей Российской империи плохо выполняли условия договора и продолжали стихийно обстреливать шведов. Тогда 5 марта 1918 к островам подошли германские линкоры «Рейнланд» и «Вестфалия». Немцы быстро разоружили русский гарнизон и установили контроль над островами. В этой обстановке шведские войска также ретировались, покинув острова 15 марта 1918 года. Немцы контролировали острова до сентября 1918 года, когда они передали их финнам. Финское военное присутствие продлится до 1922 года, когда в результате разрешения Аландского кризиса, то есть территориального спора Финляндии и Швеции, Аландские острова вновь обретут статус демилитаризованной зоны, уже в качестве территории Финляндии. Этот статус сохраняется за ними до сих пор.

* * *

Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 2006.

Fewster Derek. Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006.

Paasivirta Juhani. Finland and Europe. The Period of Autonomy & the International Crises 1808–1914. Helsinki, 1978.

Luntinen Pertti. The Imperial Russian Army And Navy In Finland 1808–1809. Helsinki, 1997.

Mäkinen Ilkka. The Historical Background and Imperial Context of the Finnish Language Decree of 1850. Knygotyra. 2005. 44.

<http://www.regeringen.ax/museum/salis.pbs>

http://digi.lib.helsinki.fi/index_en.html

<http://agricola.utu.fi/keskustelu/viewtopic.php?f=13&t=4456>

<http://www.troupesdemarine.org/traditions/histoire/hist014.htm>